

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.21>

Инь Сюй

БУКОВНИЦА 1592 Г. КАК ОСОБЫЙ ТИП ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья посвящена Буковнице Герасима Ворбозомского 1592 г. (РГБ, ф. 173.1, № 35, л. 130-235) - грамматическому словарю, в котором обобщен, переосмыслен и приложен к конкретному языковому материалу опыт предшествующих описаний церковнославянского языка. Проведенное исследование принципов отбора языкового материала, особенностей его организации и систематизации, способов грамматической семантизации показало, что Буковница является памятником переходного периода от традиционного текстологического подхода к книжному языку к его аналитическому осмыслению и грамматической кодификации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 1. С. 102-108. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. **Современный толковый словарь русского языка:** 90 000 слов и фразеологических выражений. СПб.: Норинт, 2002. 950 с.
10. **Толковый словарь адыгейского языка.** Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2006. 512 с.
11. **Шагиров А. К.** Основные вопросы синхронного и сравнительно-исторического анализа лексем адыгских языков: дисс. ... д. филол. н. М., 1971. 481 с.
12. **Шагиров А. К.** Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. 1. А-Н. 290 с.; Т. 2. П-І. 224 с.
13. **Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А.** Грамматика адыгейского литературного языка. М. – Л.: АН СССР, 1941. 464 с.
14. **Messaross J.** Die päkhy-shprache. Chicago: The University of Chicago Press, 1934. 402 p.
15. **Vogt H.** Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo: Universitetsforlaget, 1963. 264 p.

NEW ADYGHE (CIRCASSIAN) ETYMOLOGY

Ivanokov Nurbi Rashidovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Bizhiov Boris Chamalovich, Doctor in Philology

Institute for the Humanities Research of the Kabardian-Balkarian Scientific Center

of the Russian Academy of Sciences, Nalchik

kbigi@mail.ru

The article deals with the historical and etymological analysis of a number of “unclear” lexical units of the Adyghe (Circassian) languages. A significant part of them belongs to archaisms and historicisms, but there are also a lot of words from various spheres actively used in the modern language. Most of these words are etymologized for the first time. The ones that have been considered earlier receive new versions of their origin and development in the paper. At the same time, the authors use mainly the method of internal reconstruction in the absence of old written documents and due to the limited possibility to attract the data of the related languages.

Key words and phrases: Adyghe language; Kabardian-Circassian language; common Adyghe language; form; morpheme; meaning; structure; semantics; word formation; new formation; etymology.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 08.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.21>

Статья посвящена Буковнице Герасима Ворбозомского 1592 г. (РГБ, ф. 173.1, № 35, л. 130-235) – грамматическому словарю, в котором обобщен, переосмыслен и приложен к конкретному языковому материалу опыт предшествующих описаний церковнославянского языка. Проведенное исследование принципов отбора языкового материала, особенностей его организации и систематизации, способов грамматической семантизации показало, что Буковница является памятником переходного периода от традиционного текстологического подхода к книжному языку к его аналитическому осмыслению и грамматической кодификации.

Ключевые слова и фразы: Буковница 1592 г.; славянская грамматическая традиция; история русского литературного языка; церковнославянский язык; грамматическая норма; текстологический подход; грамматический подход.

Инь Суй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

andreiyin2014@yandex.ru

БУКОВНИЦА 1592 Г. КАК ОСОБЫЙ ТИП ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В XVI – начале XVII в. на славянской почве зарождается аналитическая грамматическая кодификация церковнославянского языка путем систематизации языковых элементов и правил их выбора. Возможность проследить процесс развития грамматического подхода к книжному языку в языковом сознании, сформировавшемся в рамках традиционного подхода и еще не оторвавшегося от образцовых текстов, предоставляет Буковница 1592 г. из собрания Московской духовной академии [2], предположительно атрибутируемая Б. А. Успенским Герасиму, старцу Благовещенского монастыря на озере Ворбозом [10, с. 303]. Буковница 1592 г. представляет собой особый тип грамматического описания, который может быть условно определен как «грамматический (словоизменятельный) словарь» [1, с. 69] или «словарь трудностей церковнославянского языка» [9, с. 40], направленный на предупреждение типичных ошибок в языковой практике.

Актуальность исследования определяется самим статусом избранного объекта исследования, поскольку грамматические сочинения являются ключевыми источниками истории языка, позволяющими одновременно изучать и литературный язык эпохи, и ее языковые представления. Однако следует признать, что этот ценный памятник грамматической мысли долго оставался за пределами внимания исследователей и был лишь частично изучен в фонетическом и словообразовательном аспектах [1; 4]. *Цель работы* заключается в реконструкции

реализованных в Буковнице лингвистических представлений, свидетельствующих о переходном этапе от текстологического подхода к книжному языку к его грамматическому осмыслению. Поставленной целью обусловлен круг *задач*, решаемых в ходе исследования: установление принципов отбора языкового материала, выявление особенностей его организации и систематизации, определение способов грамматической семантизации. *Научная новизна* статьи состоит в том, что в ней впервые осуществляется всесторонний систематический анализ орфографических и грамматических норм, кодифицированных в Буковнице 1592 г.

Буковница состоит из трех частей, в которых в виде таблицы приводятся списки словоформ, расположенные в алфавитном порядке «по боу́ква^{мъ}» [2, л. 130]. В целях кодификации орфографически и грамматически правильных книжных форм составитель словаря привлекает широкий круг источников, в том числе такие известные орфографические и грамматические трактаты, как «Ѡ мнѡжествѣ ѿ ѡ единствѣ», «Ѡна соуществѣ книжнаго писма», «Ѡна сщществѣ книжнаго писаниа», разные редакции «Ѡ ѡсмнѣхъ частѣхъ слова» [5]. Представленное в этих авторитетных руководствах описание системы (или ее фрагментов) церковнославянского языка и теоретическое обоснование провозглашенных в них правил создатель Буковницы, подвергая переосмыслению и трансформации, прилагает к конкретному языковому материалу и внедряет в практику книжного письма.

В основу организации первой части Буковницы, которая представляет собой один из вариантов трактата «Ѡ мнѡжествѣ ѿ ѡ единствѣ» [1, с. 68; 4, с. 292], положен принцип антистиха – принцип графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке [7; 8]. О том, что преодоление омонимии являлось ключевой проблемой славянской лингвистической рефлексии того времени, наглядно свидетельствует призыв к адресату разграничивать грамматические и лексические омонимы, содержащиеся в авторском предисловии к Буковнице: «знаніи брате сѣа, единство ѡ мнѡжства зѣло мнѡгѡ раньствѣт! такоже ѿ стѡсть ѡ посрѣнаго пачеже ѡ ѡпашаго! <...> ко́лми велико ѿматъ расто́лнїе чѣтѡа ѡ скѣрны! тако мнѡ раньствѣт. ѿ единство ѡ мнѡжства» [2, л. 133-134].

В трактате «Ѡ мнѡжествѣ ѿ ѡ единствѣ» отражен наиболее полный репертуар графико-орфографических оппозиций для различения грамматических омонимов единственного и множественного числа: о – ѡ, и/ї – ѡ, а – ѡ, ѡ – ѡ, ѡ – ѡ, ѡ – ѡ. Первый член пары кодифицируется в формах единственного числа, второй – в формах множественного числа, ср.: И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. ѡгльскаѡ – ѡгльскаѡ, Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. = В мн.ч. м.р. ѡгльскѡ – ѡгльскѡ, Т ед.ч. // Д мн.ч. ѡглоѡ – ѡглоѡ, Т ед.ч. // Д мн.ч. ѡгльскѡ – ѡгльскѡ, Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. ѡзѣки – ѡзѣки, И ед.ч. // Р. мн.ч. ѡзѣчникѡ – ѡзѣчникѡ, И ед.ч. // И=В мн.ч. ѡгниѡ – ѡгниѡ и т.п. [11, с. 720-721].

Ориентацию на трактат «Ѡ мнѡжествѣ ѿ ѡ единствѣ» автор Буковницы отчетливо декларирует в своем кратком предисловии, где он провозглашает цель своего труда в изложении «по боу́ква^{мъ} ѡ единствѣ ѿ ѡ мнѡжественнѡ» [2, л. 130] и дает взятые из трактата пары оппозиционных графем в виде ключа на первых листах рукописи (а – ѡ, и – ѡ/ѡ, о – ѡ, ѡ – ѡ, ѡ – ѡ [Там же, л. 130-137]).

В этой части Буковницы в двух колонках таблицы, озаглавленных «ѡ единство» и «мнѡжство», содержится 2410 омонимичных пар, «ѡ нѣ ж состоѡ сѡ единство ѿ мнѡжство» [Там же, л. 130], противопоставленных на графико-орфографическом уровне, ср.: Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. ѡдиноглаго́лнѡ – ѡдиноглаго́лнѡ [Там же, л. 135 об.], И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. чнѡвникѡвѡ сѡ – чнѡвникѡвѡ вѡсѣ [Там же, л. 146 об.], И ед.ч. страд. прич. м.р. // 1 л. мн.ч. н.в. шѡтѡемѡ ѡнѡ – шѡтѡемѡ мѡ [Там же, л. 147]. Стандартный набор орфографических оппозиций, заимствованный из трактата «Ѡ мнѡжествѣ ѿ ѡ единствѣ», применяется здесь преимущественно во флексиях, см.:

а/ѡ – ѡ: (1) И ед.ч. // И=В мн.ч. сущ. ж.р. десниѡ ѡнѡ – десниѡ [Там же, л. 134 об.]; (2) Р ед.ч. // В мн.ч. сущ. м.р. гревѡ – гревѡ мнѡгы [Там же, л. 133 об.]; (3) Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ. с.р. ристанѡ ѡнаго – ристанѡ мнѡгал [Там же, л. 139 об.]; (4) Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. = В мн.ч. м.р. прил. и страд. прич. тѣмнѡ – тѣмнѡ тѣ [Там же, л. 141], хвалѡмѡ тоѡ – хвалѡмѡ ѡны [Там же, л. 143]; (5) И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. и страд. прич. вѣглаѡ – вѣглаѡ [Там же, л. 131 об.], ѡправлѡмаѡ сѡ – ѡправлѡмаѡ мнѡ [Там же, л. 142 об.];

и – ѡ: Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ. ж.р. ѡдници – ѡдници [Там же, л. 135], рекѡ ѡноѡ – рекѡ мнѡгыѡ [Там же, л. 139];

ѡ – ѡ: (1) И ед.ч. // Р. мн.ч. сущ. м.р. грѣхѡ – грѣхѡ мѡи [Там же, л. 133 об.]; (2) Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. врачѡмѡ – врачѡмѡ [Там же, л. 132]; (3) И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. црѣвѡ сѡнѡ – црѣвѡ мнѡгыѡ [Там же, л. 145]; (4) Т ед.ч. м., с.р. // Д мн.ч. прил. и страд. прич. ѡстѣственнѡмѡ – ѡстѣственнѡмѡ [Там же, л. 135], ѡведѣннѡмѡ ѡднѡмѡ – ѡведѣннѡмѡ людемѡ [Там же, л. 144 об.]; (5) И ед.ч. страд. прич. м.р. // 1 л. мн.ч. н.р. высылѡемѡ ѡнѡ – высылѡемѡ мѡ [Там же, л. 134];

комбинация пар **о – ѡ и ь – њ**: (1) Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. **члѣкомъ ѣднѣмь – члѣкомъ мноуыи** [Там же, л. 146]; (2) И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. **ѣвѣлиствовъ гласъ – ѣвѣлиствовъ** [Там же, л. 150 об.];

иї – ѡ и ь – њ: Т ед.ч. м., с.р. // Д мн.ч. прил. и действ. прич. **ѡчюцимъ – ѡчюцимъ** [Там же, л. 130], **ѡбцимъ – ѡбцимъ** [Там же, л. 149 об.];

ї – ѡ и а – ѡ: Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. = В мн.ч. м.р. прил. и действ. прич. **глюциѡ ѡноа – глюциѡ** [Там же, л. 133], **драгѡа – драгѡа** [Там же, л. 134 об.];

а – ѡ и а – ѡ: И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. и действ. прич. **вѣлаѡа – вѣлаѡа** [Там же, л. 131], **ѡтѣшиѡа сѡ – ѡтѣшиѡа** [Там же, л. 146 об.].

Вместе с тем способ реализации принципа антистиха, заданный в трактате «**ѡ мноуествѣ ї ѡ ѣднѣствѣ**», в Буковнице подвергается коррекции [5]. Автор словаря расширяет (1) набор позиций, используя оппозиционные графемы не только во флексии, но и в основе, в том числе – в позиции абсолютного начала слова (Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. = В мн.ч. м.р. прич. **ѣдинодышциѡ – ѣдинодышциѡ** [2, л. 135], И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. **ѡбциѡа – ѡбциѡа** [Там же, л. 149 об.]); (2) репертуар графико-орфографических оппозиций, наделенных смысловозначительной функцией: помимо стандартного набора **о – ѡ, иї – ѡ, а – ѡ, ѡ – ѡу, ь – њ** в словаре вводятся новые графико-орфографические средства, в том числе скорописные начертания и надстрочные знаки: **ѣ – ѣ** (И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. **вѣлѡа вѣра – вѣлѡа дѣла** [Там же, л. 132]); **ѡ – ѡ** (И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. **федктѣствовскѡа сѡ – федктѣствовскѡа мноу** [Там же, л. 138 об.]); **з – з** (Т ед.ч. м., с.р. // Д мн.ч. прич. **зловоздаюцимъ – зловоздаюцимъ** [Там же, л. 137 об.]); **о – ѡ** в приставках типа **вос – вѡс, во – вѡ, со – сѡ** (Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. = В мн.ч. м.р. прич. **воспѣвѣемѡа ѡноа – вѡспѣвѣемѡа** [Там же, л. 132 об.]); оксия – вариация (И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. н.в. **хвалѡмъ ѡ – хвалѡмъ мѡ** [Там же, л. 143]).

Помимо омонимичных форм объектом систематизации в первой части Буковницы являются также специфически книжные формы кратких действительных причастий, которые могли подвергаться смешению под влиянием живого языка. Необходимость последовательного разграничения форм И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р. кратких действительных причастий особо оговаривается в трактате «**ѡ мноуествѣ ї ѡ ѣднѣствѣ**»: «**Пѡки ѡемѡа ѣднѣствѣнаго ї мноуествѣнаго разѡма. ѣднѣствѣно... ци, ѡко влѣвѡци... мноуѣствѣнаго же разѡма рѣчь сѡце... цѣ, ѡко влѣгословѡци**» [11, с. 720-721]. Вслед за своим предшественником создатель Буковницы регламентирует противопоставление причастных форм И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р., включая в свой словарь 106 контрастирующих пар: **ѡчюци – ѡчюциѣ** [2, л. 130], **влѣгодарѡци – влѣгодарѡциѣ** [Там же, л. 131], **высылѡюци – высылѡюциѣ** [Там же, л. 132], **гнѣваюцисѡ – гнѣваюцисѡа** [Там же, л. 133], **даюци – даюциѣ** [Там же, л. 134].

Вторая и третья части Буковницы включают списки словоизменительных форм прилагательных и причастий (4399 во второй части, 2953 – в третьей). Как было установлено [5], в основе построения обеих частей лежат парадигмы – «**застѣннаѡ разѡмѣнѡа**», представленные в разных редакциях трактата «**ѡ ѡсмихъ частѣхъ слова**»: № 22 «**Чтѡ ѣсть ѡсмь частѣи слова...**» [11, с. 749-758] и № 24 «**ѡтѡ Иѡанна Дамаскина ѡ ѡсми частѣ слова елика пишѣ и глѣ**» [Там же, с. 760-767] Ср.:

2-я часть Буковницы [2, л. 179]	3-я часть Буковницы [2, л. 201 – 201 об.]	редакция № 22 [11, с. 750-751]	редакция № 24 [11, с. 763-764]
ѣстинное нарицѡнѣ ѣднѡ мѡжа ѡвѣраемѡ	сѡцѣе нарицѡе мѡскаго ѡманѣ крѡглын ѡ	ѣстинное нарицѡнѣ мѡжескаго ѡмани вѣтвенныи	ѣстинное нарицѡнѣ мѡжескомѡ ѡмени влѣгодарныи
помѡновѣнѣ ѣднѡнаго ѣмаго	помѡновѣнѣ мѡжескаго ѡмани ѣднѣствѣно крѡглаго тѡ	помѡновѣнѣ мѡжеска ѡмани влѣгодарнаго	помѡновѣнѣ ѣстинномѡ ѡмени мѡжескомѡ сѡтѡ
далнѣе ѣднѡномѡ мѡжѡ ѣмомѡ	далнѣе ѣднѡномѡ мѡжѡ крѡглоомѡ	дѡтѣлство мѡжескаго ѡмани глюциемѡ	дѡтѣлство ѣстинномѡ ѡмени мѡжескомѡ сѡтомѡ
нарицѡетѡ мноуыи мѡжен ѣмы	ѡмѡновѡнѣ мноуыи моужѣи крѡглыи тѣѣ	мноужно нарицѡнѣ мѡжеска ѡмани чѣсты	мноуѣствѣнно нарицѡнѣ мѡжеска ѣстиннаго ѡмени дѡвродѣтелныи
помѡновѣнѣ мноуыихъ ѣмы	помѡновѣнѣ мноуно крѡуглыихъ	помѡновѣнѣ мноужно мѡжескаго ѡмени сѡтѡ	мноуѣствѣнно помѡно- вѣнѣ ѣстиннаго мѡжескаго ѡмени вѡсѡгѡдныи

2-я часть Буковницы [2, л. 179]	3-я часть Буковницы [2, л. 201 – 201 об.]	редакция № 22 [11, с. 750-751]	редакция № 24 [11, с. 763-764]
дѣнство мнѡгыми емы̃ ^м	дѣнство мнѡгыми кρούгыми	дѣнство мнѡжно мѡжескаго ѣмани великими	_____
сѡщее нарицаніе среднаго ѣмани емоѡ	сѡщее нарицаніе сре̃наго ѣмани кρούглоѡ тѡ	сре̃днемѡ ѣмени ѣстинное нарицаніе прѡносѡщее	сре̃наго ѣмани ѣстинное нарицаніе бѣженное
второе наименованіе женскаго ѣман емѡ	_____	второе начертаніе женскаго ѣмени затворѡющѡ	_____
сѡщее нарицаніе второму наименованію женскаго ѣмани емѡю	_____	ѣстинное нарицаніе второмѡ начертанію женскаго ѣмени бѣгочтѣнствю	_____
_____	звателство мѡжско ѡ кρούгле ты̃	мало нарицаніе мѡжеска ѣмани бѣгочтѣнствѡ	звателнаго ѣстиннаго ѣмени прѡне
_____	звателство жеска ѣмени ѡ кρούгла тѡ	_____	_____

Ориентация на разные редакции одного трактата обуславливает сходство описываемых разделов: они различаются только по набору форм в парадигме и способу их представления, в то время как языковой материал третьей части на 95% (2806 из 2953) совпадает с языковым материалом второй части.

Таблица второй части включает 12 колонок, в наиболее широкой из них, находящейся близко к переднему обрезу в качестве начальной формы, дается (1) именная форма И ед.ч. м.р., далее поочередно к центру приводятся флексии следующих форм: (2) именная форма И ед.ч. ж.р., (3) именная форма И ед.ч. с.р., (4) членная форма И ед.ч. м.р., (5) членная форма Р ед.ч. м. и с.р., (6) членная форма Д ед.ч. м. и с.р., (7) именная форма И мн.ч. м.р., (8) членная форма Р мн.ч., (9) членная форма Т мн.ч., (10) членная форма И ед.ч. с.р., (11) именная форма В ед.ч. ж.р., (12) членная форма В ед.ч. ж.р.: (1) зѣльвь, (2) лва, (3) лво, (4) лвыи, (5) лваго, (6) лвомѡ, (7) лвы, (8) лвы̃^х, (9) лвыи̃^м, (10) лвоѡ, (11) лвъ, (12) лвъю [2, л. 159 об.]; (1) знѣемь, (2) ема, (3) емо, (4) емы̃, (5) емаго, (6) емомѡ, (7) емы, (8) емы̃^х, (9) емыи̃^м, (10) емоѡ, (11) емѡ, (12) емѡю [Там же, л. 160 об.]; (1) зацицѡющѡ, (2) юца, (3) юце, (4) юци̃, (5) юцаго, (6) юцемѡ, (7) юцы, (8) юцы̃^х, (9) юцы̃^м, (10) юцеѡ, (11) юцѡ, (12) юцѡю [Там же, л. 161 об.].

В таблице третьей части набор состоит из тех же форм, что и во второй, за исключением двух последних – вместо именных (11) и членных (12) форм В ед.ч. ж.р. даны именны формы З ед.ч. м.р. (13) и ж.р. (14). При этом, в отличие от второй части, все словоформы приведены полностью, в несокращенном виде: (1) приближѡющѡ, (2) приближѡца, (3) приближѡюще, (4) приближѡющѡи̃, (5) приближѡцаго, (6) приближѡщемѡ, (7) приближѡющы, (8) приближѡщы̃^х, (9) приближѡщы̃^м, (10) приближѡщеѡ, (13) ѡ приближѡще, (14) ѡ приближѡща [Там же, л. 209 – 209 об.]; (1) разкрьтѡ, (2) разкрьта, (3) разкрьто, (4) разкрьтыи, (5) ракрѣтаго, (6) ракрѣтомѡ, (7) ракрѣты тѣ, (8) ракрѣтыхъ, (9) ракрѣтыми, (10) ракрѣтоѡ сѣ, (11) ѡ ракрѣтѣ ты̃, (12) ѡ ракрѣтѣ тѡ [Там же, л. 211 – 211 об.]; (1) телѣсенъ, (2) телѣсна тѡ, (3) телѣсно тѡ, (4) телѣсныи ѡ, (5) телѣснаго, (6) телѣсномѡ, (7) телѣсны тѣ, (8) телѣсны, (9) телѣсными, (10) телѣсноѡ тѡ, (13) ѡ телѣсне, (14) ѡ телѣсна [Там же, л. 214 – 214 об.].

Проведенный анализ парадигм прилагательных и причастий в этих частях Буковницы свидетельствует о том, что в представленной системе отсутствует ряд стандартных книжных особенностей причастного формообразования, иными словами, причастия не выступают как особый, отдельный словоизменительный класс, а объединены вместе с прилагательными.

Во-первых, во всех падежных формах унифицировано наличие/отсутствие формообразующего суффикса. Так, в косвенных падежах действительных причастий прошедшего времени устраняется формант -ъш-, в результате чего словоизменительное гнездо причастия не отличается от гнезда прилагательного с исходом основы на в, ср.: прич.: ходѣвь ва во выи ваго вомѡ вы вѣ выими воѡ вѡ вѡю [Там же, л. 178]; прил.: живѣ ѡ, живѡ, живѡ тѡ, живѣи сѣ, живѡго того, живѡмѡ томѡ, живѣы тѣ, живѣыхъ, живѣыми, живѣѡѡ, ѡ живѣѡ, ѡ живѡ тѡ [Там же, л. 195 – 195 об.]. Напротив, суффиксы действительных причастий настоящего времени -ащ-, -ащ-, -ѡщ-, -ѡщ- распространены на именную форму И ед.ч. м.р., ср.: И ед.ч. м.р.: воспѣвѡющѡ сѣ [Там же, л. 155], бѣгодарѡщѡ [Там же, л. 189], зиѡющѡ [Там же, л. 196], ср. прилагательные с исходом основы на шипящий: далѣчь [Там же, л. 158], тѡщѡ ѡ [Там же, л. 175 об.].

Во-вторых, стандартные причастные флексии именных форм И ед.ч. ж.р. (-и) и И мн.ч. м.р. (-е) в парадигме заменены соответствующими окончаниями прилагательных (-а, -ы): И ед.ч. ж.р. прич. **желѣюща** [Там же, л. 195], **кличюща** [Там же, л. 202], ср. И ед.ч. ж.р. прил. **зла** **ѡна** [Там же, л. 196], **проста** **та** [Там же, л. 208]; И мн.ч. м.р. прич. **возносѣвы** [Там же, л. 191 об.], **ѡбывающы** [Там же, л. 222 об.], ср. И мн.ч. м.р. прил. **сты** **тъ** [Там же, л. 212 об.], **тѣхы** **ѡны** [Там же, л. 215 об.]. На адъективную заменена и форма И ед.ч. с.р., этимологически совпадающая с формой причастия И ед.ч. м.р.: И ед.ч. с.р. прич. **златѣце** **се** [Там же, л. 198], **смирѣюще** [Там же, л. 213], ср. И ед.ч. с.р. прил. **тоще** [Там же, л. 216].

Можно полагать, что в этой искусственной унификации было реализовано стремление устранить беспорядочное смешение кратких причастных форм, имевшее место в языковой практике под влиянием живого языка. Интересно отметить, что в этом отношении создатель Буковницы предвосхищает Мелетия Смотрицкого, кодифицировавшего аналогичные унифицированные формы И ед.ч. м. и с.р. в своей грамматике (1619 г.): И ед.ч. м.р. **вѣдѣцъ**, И ед.ч. с.р. **вѣдѣце** [3, л. 166 – 166 об.].

Существенно, что в результате экстраполяции адъективных флексий в грамматических позициях И ед.ч. ж.р. и И мн.ч. м.р. причастные формы, представленные во второй и третьей частях Буковницы, отличаются от форм первой части, где регламентируется их дифференциация посредством оппозиционных формантов и – е (см. выше), ср.: часть 1 И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р. **вѣлѣци** – **вѣлѣце** [2, л. 131], **даюци** – **даюце** **мы** [Там же, л. 134]; часть 2 **злоревнѣюща** – **злоревнѣющы** [Там же, л. 160]; часть 3 **ѡсловопоюща** – **ѡсловопоющы** [Там же, л. 233 – 233 об.]. Такое расхождение, как нам кажется, может быть объяснено тем, что, если в первой части автор Буковницы руководствовался предписаниями трактата-ориентира «**Ѡ мнѡжествѣ ѡ ѡ единствѣ**», в котором были заданы этимологически правильные флексии -и и -е, то во второй и третьей частях он был свободен в своих построениях.

Вместе с тем очевидно стремление скоординировать флексии, регламентированные во второй и третьей частях Буковницы, со способом реализации принципа антистиха, предписанным в ее первой части.

Так, для (7) именной формы И мн.ч. м.р., (8) членной формы Р мн.ч., (9) членной формы Т мн.ч. в подавляющем большинстве случаев (22039 из 22056, 99%) кодифицированы окончания с **ы** ((7) **ы**: **тѣхы** **ѡны** [2, л. 215 об.], (8) **ыхъ**: **нѣзчѣющы** [Там же, л. 162], (9) **ыми**: **живыми** [Там же, л. 159]), а соответствующие варианты с **и** ((7) **и**: **цѣлохранитѣли** [Там же, л. 227 об.], (8) **ихъ**: **тѣходѣствѣщи** [Там же, л. 216 об.], (9) **ими**: **оумнѡжыми** [Там же, л. 220 об.]) возникают лишь окказионально в 17 формах, что свидетельствует о том, что при работе над этими частями автор руководствуется принципом антистиха, диктующим написание **ы** во множественном числе, ср. в первой части: Р ед.ч. // И=В [мн.ч.] сущ. ж.р. **темници** **тоѡ** – **темнищы** [Там же, л. 141 об.], **црци** **тоѡ** – **црцы** **ѡны** [Там же, л. 145].

Флексия **ь** в (1) именной форме И ед.ч. м.р. зафиксирована в словах с исходом основы на те буквы, после которых допускается использование стандартного набора графико-орфографических оппозиций (**в**, **г**, **к**, **м**, **х**, **ч**, **ш**, **щ**): **великъ** **ѡ** [Там же, л. 155 об.], **нѣзводимъ** [Там же, л. 162 об.], **мнѡгъ** **съ** [Там же, л. 166], **пѡлагѣющъ** [Там же, л. 169], **сѣгласивъ** **тъ** [Там же, л. 173], поскольку в этом случае **ь** может маркировать семантику единственного числа, ср. в первой части: И [ед.ч.] м.р. // Р. мн.ч. м.р. **схѡдникъ** **ѡ** – **схѡдникъ** **мнѡгъ** [Там же, л. 140], Т [ед.ч.] // Д мн.ч. **гребцѣмъ** – **гребцѣмъ** [Там же, л. 141].

Систематизация словоформ, обладающих разными грамматическими значениями, требует однозначного определения их грамматической семантики, при описании которой в Буковнице использовано два разных способа.

Во-первых, это собственно грамматическая дефиниция. Такие дефиниции «**ѡ единство**» // «**мнѡжствѡ**» даны в первой части в шапке таблицы на всех без исключения страницах. Во второй и третьей частях грамматические характеристики словоформ словарного гнезда, заимствованные автором «**ѡ дамаскиновѣ грамматикѣ ѡ ѡсмочѣстнаго разѡмѣнѣѡ**» [Там же, л. 233], приведены на л. 155, 157 об., 166, 179, 201 – 201 об., 213 – 213 об., 228 – 228 об., ср.: (1) **мѡжско** – **богатъ** **тъ**, (2) **жѣнско** – **та**, (3) **срѣне** – **то**, (4) **нѣманѣетъ** **ѡдина** – **тын**, (5) **поминаетъ** **ѡдина** – **таго**, (6) **даѣтъ** **ѡдиноу** – **тому**, (7) **нѣманѣетъ** **мнѡгыхъ** – **ты**, (8) **поминаетъ** **мнѡгыхъ** – **тѣхъ**, (9) **дѣтелно** **мнѡгими** – **тыми**, (10) **нарица**^{тѣ} **сѣцѣмъ** **сѣцѣе** – **тоѡ**, (11) **жѣско** **нѣмъ** – **тъ**, (12) **сѣцѣе** **жѣско** **нѣмъ** – **тѣю** [Там же, л. 155].

Во-вторых, не менее значимым для составителя словаря является иллюстративный (или контекстуальный) способ семантизации, при котором словоформа приводится в расширенном контексте, в составе словосочетания, содержащего ошутимые опоры – грамматические конкретизаторы-распространители, позволяющие однозначно установить ее грамматическое значение.

В первой части Буковницы, где колонки таблицы значительно шире, чем во второй и третьей частях, и, соответственно, больше свободного пространства для приведения расширенного контекста, контекстуальный способ семантизации использован для 2952 из 4820 (61%) словоформ, в том числе 1610 (67%) форм единственного числа и 1342 (56%) форм множественного числа. Среди задействованных грамматических конкретизаторов-

распространителей безусловно доминируют (2748 из 2952, 93%) местоимения (Ѡ, Ѡноа, Ѡнѣмь, сь, сегò, сїа, тѣ, тѧ, тогò, тоа, мѧ, нѧмѣ, нѧшы, нѧшы, тѣ, всѣ и т.п.) и слова с количественным значением (ѣдїнь, ѣдїнаго, ѣдїнемь, ѣдїноа, мнѡга, мнѡ, мнѡжна, мнѡнал, мнѡжны и т.п.). Ср.: И ед.ч. // И=В мн.ч. суш. ж.р. ѧргѧнница ѣдїна – ѧргѧнница мнѡгы [Там же, л. 130], И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. сѣлнаа Ѡна – сѣлнаа ѡны [Там же, л. 137 об.]; И ед.ч. м.р. // Р. мн.ч. м.р. совесѣдникъ – сѣвесѣдникъ всѣ [Там же, л. 140 об.]; Р ед.ч. // И=В мн.ч. суш. ж.р. цѣвници ѣдїноа – цѣвницы ѡны [Там же, л. 145].

К остальным 7% относятся существительные (вѣра, гласы, гласумѣ, люди, полѧты, равбómь, раввómь, роука́мѣ, срѣцемь, силамѣ, оучнїцы, члкъ и т.п.), с которыми согласуются формы прилагательных и причастий, благодаря чему достигается конкретизация не только по числу: Т ед.ч. // Д мн.ч. м.р. феѡнловымь члком – феѡнловымь люде [Там же, л. 148 об.], но и по роду: И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. рѣчнаа стрѡа ѣдїна – рѣчнаа оустрѣмлѣнїа [Там же, л. 139]; И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. твòа сїла – твòа дѣла [Там же, л. 141].

Прослеживаются определенные предпочтения составителя словаря при выборе помет для отдельных словоформ. Так, например, в грамматической позиции Р мн.ч. суш. м.р. доминируют (91%) показатели всѣхъ и мнѡгыхъ. Ср.:

помет всего	мнѡгыхъ	всѣхъ	тѣ	нѧшы	мнѡ	мнѡ	мои	сь [!]
204	117	69	8	5	2	1	1	1

Во второй и третьей частях круг конкретизаторов-распространителей значительно сужается: в подавляющем большинстве случаев (2883 из 2943, 98%) используются местоимения Ѡ, Ѡна, ѡны, ѡнѣхъ, сь, сѣ, сегò, семѣ, сїа, сїе, сїò, тѣ, тѧ, тò, тогò, томѣ, тѣ, тѣ, тѣ, лишь в 2 случаях зафиксировано слово мѣж для формы И ед.ч. м.р.

Во второй части Буковницы формы представлены в контексте лишь в 404 случаях из 52788 (т.е. менее 1%), при этом в качестве грамматических конкретизаторов используются преимущественно Ѡ, сь, тѣ, ср.:

форм и флексий всего	52788 (4399*12)
пометы отсутствуют	52384
помет всего	404
И ед.ч. м.р.	Ѡ (235), сь (99), тѣ (59)
И ед.ч. ж.р.	Ѡна (1), сїа (3), тѧ (2)
И ед.ч. с.р.	тò (1), сїе (1)
В ед.ч. ж.р.	сїò (1)

В третьей части зафиксировано большее число помет по сравнению с предыдущим разделом (2540 из 35436, т.е. 7%), контекстуальный способ семантизации чаще используется для форм И ед.ч. м., ж. и с.р., И мн.ч. м.р., ср.:

форм и флексий всего	35436 (2953*12)
пометы отсутствуют	32897
помет всего	2540
И ед.ч. м.р.	мѣж (2), Ѡ (588), сь (230), тѣ (101)
И ед.ч. ж.р.	Ѡна (66), сїа (235), тѧ (215), тѣ (1)
И ед.ч. с.р.	тò (396), сѣ (88), сїе (213)
Р ед.ч. м.р.	сегò (42), тогò (23)
Д ед.ч. м.р.	семѣ (12), томѣ (15)
И мн.ч. м.р.	ѡны (69), тѣ (155)
Р мн.ч.	тѣ (19), ѡнѣхъ (1)
Д мн.ч.	тѣ (2)
3 ед.ч. м.р.	тѣ (52), Ѡ (2)
3 ед.ч. ж.р.	тѣ (5), Ѡна (8)

Буковница 1592 г., автор которой обобщил и развил опыт своих предшественников, применив его для систематизации обширнейшего языкового материала, является во многом уникальным для славянской грамматической традиции типом грамматического описания. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что реализованные в ней принципы отбора языкового материала, его структурная организация по наиболее важным для системы церковнославянского языка категориям, введение элементов современного лингвистического словаря – грамматических помет, наконец, кодификация орфографических оппозиций и внедрение их в практику письма – все это, несомненно, отражает развитие грамматического подхода к книжному языку. Вместе с тем предназначение Буковницы как справочника, предотвращающего искажения канонического текста, применение контекстуального

способа описания грамматической семантики свидетельствуют о том, что нормализация и систематизация приведенных в этом трактате форм еще не отрываются от текстов. Таким образом, можно заключить, что Буковница представляет собой памятник переходного этапа от текстологического подхода к грамматическому.

Список источников

1. Аксенова Е. А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) // Советское славяноведение. 1981. № 1. С. 66-77.
2. Буковница 1592 г. // Российская государственная библиотека. Ф. 173.1. № 35.
3. Грамматика Славенския правильное синтагма. Евье: Типография братства Св. Духа, 1619. 252 л.
4. Живов В. М. Буковница 1592 г. и ее место в истории русской грамматической мысли // The Language and Verse of Russia: In Honor of Dean S. Worth / ed. by H. Birnbaum and M. S. Flier. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 291-303.
5. Инь Сюй. Буковница 1592 г.: круг источников // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 344-353.
6. Инь Сюй. Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г. // Славянские языки и культуры в современном мире: III международный научный симпозиум: труды и материалы (г. Москва, 23-26 мая 2016 г.) / под общ. рук. М. Л. Ремневой. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 89-91.
7. Кузьминова Е. А. Антистих // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. II. С. 549-553.
8. Кузьминова Е. А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 5. С. 36-55.
9. Кузьминова Е. А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 2. С. 40-50.
10. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 559 с.
11. Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку: в 3-х т. СПб.: Типография Императорской АН, 1885. Т. I. С. 289-1023.

**BUKOVNITSA OF 1592 AS A SPECIAL TYPE OF GRAMMATICAL DESCRIPTION
OF THE SLAVONIC MIDDLE AGES**

Yin Xu

*Lomonosov Moscow State University
andreiyin2014@yandex.ru*

The article is devoted to Bukovnitza of 1592, a grammatical dictionary, in which the attempt of previous descriptions of the Church Slavonic language was generalized, reinterpreted and applied to specific linguistic material. The conducted research of the principles of linguistic material selection, the peculiarities of its arrangement and systematization, and the ways of grammatical semantization shows that Bukovnitza is a monument of the transition period from the traditional textological approach to the literary language to its analytical interpretation and grammatical codification.

Key words and phrases: Bukovnitza of 1592; Slavonic grammatical tradition; history of the Russian literary language; Church Slavonic language; grammatical norm; textological approach; grammatical approach.

УДК 8; 81-23

Дата поступления рукописи: 25.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.22>

Данная статья посвящена анализу предложно-падежных конструкций вертикальной соположенности, над – с твор. и под – с твор., с позиций когнитивной лингвистики. Основное внимание в работе акцентируется на концептуальных метафорах и метонимиях, объясняющих особенности употребления исследуемых предложно-падежных конструкций. Сопоставительный анализ над – с твор. и под – с твор. дает возможность выявить различные, а также взаимосвязанные метафоры и метонимии, в лексической репрезентации которых участвуют эти предложно-падежные конструкции.

Ключевые слова и фразы: предложно-падежные конструкции вертикальной соположенности; когнитивная лингвистика; образ-схемы; метафоры; метонимии.

Калюга Марика Ашотовна, к. филол. н.
Университет Маквори, г. Сидней, Австралия
m.kalyuga@gmail.com

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ВЕРТИКАЛЬНОЙ СОПОЛОЖЕННОСТИ

Работы, выполненные в рамках когнитивной лингвистики, направлены на описание связей между языковыми категориями и восприятием мира. В последние годы много таких работ посвящено исследованию предлогов [2-4; 7; 8; 12-14; 18; 20-22], поскольку предлоги не только позволяют раскрыть специфику